

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Был месяц апрель — не лучшая пора для купания. Светило солнце, иногда грело — в те моменты, когда стихал прохладный ветерок. И все же идея зайти в воду и получить от этого удовольствие выглядела, мягко говоря, непродуманной. Но люди купались в звонкой речушке недалеко от старинного каменного моста.

Глубина реки не позволяла окунуться с головой: слишком мелко. Белокурый паренек с добродушной физиономией делал страшные глаза, приседая по шею, выскакивал из воды, энергично растирал грудь и подмышки. Еще один, постарше, кряжистый, с редкими волосами и широким лицом, забрался глубже, поплыл вразмашку, но задел ногой корягу, стал прыгать, чертыхаться.

С берега донесся женский смех. Краина немецкого городка Ханнесбурга — восточного пригорода Берлина — казалась вымершей. Молодые липы обрастали крохотными листочками. В районе моста теснились дома в стиле фахверк, с островерхими крышами, с вынесенными наружу опор-

ными элементами. Окна в домах были зашторены: местные жители предпочитали не высовываться.

По неровному берегу бродили автоматчики в форме военнослужащих Красной армии. Осанистый старший лейтенант в расстегнутой форменной куртке швырял в воду плоские камешки и навистывал «Марш веселых ребят» Исаака Дунаевского. Мирное течение жизни нарушал только гул канонады на юге.

Образовался и нарастал мотоциклетный треск. Купальщики продолжали резвиться. Под небольшим обрывом сидели двое — коротко стриженный молодой майор в кителе и девушка с погонями лейтенанта. Воротник гимнастерки расстегнут, на плечи наброшена фуфайка, волнистые волосы растекались по плечам.

— Эй, мужики, не околели еще? — звонко крикнула девушка и засмеялась. — Чай, не май месяц!

— Все в порядке, Лизавета Петровна, май на подходе, а мы закаленные! — отозвался добродушный блондин. — Полны, так сказать, задора и огня! Или вы боитесь, что мы себе чего-нибудь застудим?

— Да мне нет дела, что вы там застудите! — засмеялась девушка. — Проверять не буду, пусть другие проверяют! Но учтите, сопли и температура не избавят вас от несения службы!

— Ладно, уговорили: хорошего помаленьку. — Приземистый крепыш выбрался из воды широ-

кими шагами. — Получили заряд бодрости, можно и к печке... Лизавета Петровна, царица вы наша несравненная, ну-ка отвернитесь!

— Чего это я должна отворачиваться? — фыркнула девушка. — Что ли я трусов по колено никогда не видела?

— А он их снимет! — захохотал блондин и тоже стал бочком подбираться к берегу.

— Ой, мамочки, — сказала Лизавета и картинно прижала ладошки к глазам. Крепыш не стал раздеваться догола, закатал трусы по самое место, откуда росли ноги, стал отжимать сильными руками.

Мотоциклетный треск нарастал. Что-то неуловимо менялось в окружающем пространстве, сгущалось напряжение.

Майор переглянулся с осанистым старлеем. Тот отвернулся и швырнул великолепный «блин», тот пропрыгал почти до противоположного берега.

— Bravo, Денис! — Лизавета захлопала в ладоши. — Ты непревзойденный метатель!

— Мечтатель он, а не метатель, — засмеялся белобрысый паренек.

Лизавета покосилась на сидящего рядом майора, облизнула губы. Тот сдержанно кивнул стоящим в отдалении автоматчикам — те курили и делали вид, будто их ничего не касается. Майор широко зевнул и наложил на лицо отсутствующее выражение.

С севера, по дороге, петляющей вдоль берега, приближались мотоциклисты. Колонна вывернула из-за пригорка, теперь катила в облаке пыли. В подразделении было семь или восемь машин — складки местности не позволяли точно пересчитать. Тяжелые «М-72», скопированные советскими конструкторами с немецкого образца БМВ R-71. К каждому мотоциклу крепилась коляска, в ней сидели бойцы с ручными пулеметами Дегтярева. Пилоты маневрировали по изгибам проезжей части. У бойцов мотоциклетного подразделения были неподвижные лица, сами они показывались в такт движению.

Старший лейтенант Денис Корзун швырнул очередной «блин» — удача изменила ему: камень клюнул в воду. Федор Шашкевич продолжал выжимать трусы, хотя выжимать там уже было нечего. Лейтенант Вобликов передумал покидать речку, окунувшись по шею, сделал блаженную физиономию. Возникло ощущение, что ему совсем не холодно.

Андрей Ракитин, кряхтя, приподнялся, глянул вдаль. Под руку попалась фуфайка — он накинул ее на плечи и вскарабкался на глинистый косогор. Почему-то именно сегодня майорские погоны давили на плечи.

Колонна приближалась, заглушая канонаду. Война в этой местности уже отгремела. Ханнесбург почти не пострадал, пережил лишь небольшой

артналет, повредивший в центре несколько зданий и отломивший шпиль кирхи. Немцы оставили городок без боя, когда с фланга подошел танковый батальон майора Рябышевского и нависла угроза «котла». С позавчерашнего дня фронт отодвинулся еще на восемь километров, фактически уперся в окраины Берлина. В район Халле к западу от Ханнесбурга спешным порядком, обтекая городок с севера и юга, наступали воинские части. Восточнее окраины не было ничего, за исключением заброшенной птицеводческой фермы. В те края офицеры уже ходили — предприятие не работало, царили адские запахи, липли перья к сапогам...

Головной мотоцикл остановился. Водитель поднял руку, призывая колонну сделать то же самое. Подразделение было неплохо экипировано: каски, плащ-палатки, автоматы «ППШ» и Судаева. В каждой машине — пулемет.

Ракитин подавил зевету, закрыл для приличия рот ладонью. Расслабленной походкой он двинулся к головной машине. С заднего сиденья соскочил подтянутый офицер с погонами старшего лейтенанта, изобразил сухую улыбку. У него было обыкновенное лицо, подпорченное шрамом на подбородке. Старлей небрежно козырнул.

— Здравия желаю, товарищ майор.

— И вам, ребята, не хворать, — согласился Ракитин. — Каких будете? Далече ли путь держите? —

Он протянул руку, старший лейтенант почтительно ее пожал.

Бойцы на мотоциклах сидели неподвижно. Прибывший офицер бегло осмотрелся, окинул взглядом купальщиков, задержал взгляд на лейтенанте Лизе — девушка поднялась, улыбнулась молодому офицеру улыбкой Джоконды (явно давая понять, что в женщине должна быть загадка). Офицер с усилием оторвал от нее взгляд, спохватился:

— Старший лейтенант Суслов, командир взвода 22-го мотоциклетного полка. Заблудились мы, товарищ майор, местность незнакомая, а по-немецки у нас никто не понимает. Это Ханнесбург? Здесь дислоцирован штаб 8-й гвардейской армии?

— Угадали. — Ракитин добродушно улыбнулся. — Со вчерашнего дня штаб товарища генерала Чуйкова находится здесь. По дороге поедете, два дома, потом увидите пустырь, слева будет бетонный забор, а там во двор заедете и, считай, на месте. С какой целью прибыли в штаб, товарищ Суслов?

— Приказ заместителя начальника штаба генерал-майора Косорукова. Прибыли для усиления комендантской роты. Имеются все необходимые документы. — Рука офицера потянулась к нагрудному карману, коснулась пуговицы.

— Не нужны мне твои документы, старлей, — отмахнулся Андрей. — Кто мы такие — всего лишь

пехота, отдыхаем на природе, так сказать, с разрешения вышестоящего начальства. В боях пауза, можем себе позволить. На шлагбауме документы покажешь — они пропустят. На усиление, говоришь, прибыл? Дело хорошее. Мы подкреплению всегда рады, если народ, конечно, стоящий. Людей в охране штаба не хватает, все в бой ушли. Да не беда, кто тут нападет...

Старший лейтенант снисходительно усмехнулся, посмотрел по сторонам, снова мазнул взглядом лейтенанта Лизу Быстрицкую. Девушка по-прежнему улыбалась — разве жалко улыбки для хорошего человека?

— А у вас тут весело, товарищ майор, — заметил Суслов, — словно и нет никакой войны. Не рано вато купаться?

— А мы моржи, — засмеялся из речки Вобликов. — Богатыри, одним словом.

— И богатырши, — зачем-то добавила Лиза, не принимавшая участия в водных процедурах. «Местные» покатались со смеха, и даже Суслов натянуто улыбнулся, хотя глаза оставались холодными.

— Понял, старлей? — улыбнулся Ракитин. — Разве мы не русские люди?

— Да, конечно, — неуверенно согласился Суслов.

— А выпьешь — так и вовсе море по колено, и холод не чувствуется, — добавил Ракитин.

— Вы выпили? — удивился комвзвода мотоциклистов и как-то недоверчиво моргнул.

— А кто нам запретит? — подмигнул Вобликов. — Всю бутылку в один прием и — мама не горюй! За победу, за то, чтобы гидра фашистская быстрее сдохла в своем логове!

Суслов вздохнул и удрученно покачал головой. После чего отдал честь и вернулся к мотоциклу. Оба члена экипажа за время стоянки даже в лице не изменились, словно не понимали, о чем идет речь. Зафыркал двигатель головного мотоцикла, завелись остальные — колонна тронулась в путь и вскоре скрылась за поворотом. Штаб гвардейской армии Чуйкова действительно размещался на этой окраине. Командный же пункт спешно возводили на западе, под Халле.

Колонна скрылась за складками местности. Пошел сигнал по цепочке: прибыли гости...

До штаба, включая проверку на посту, колонна могла добраться за три минуты. Андрей облегченно вздохнул, прыгнул с пригорка и нагнулся за «ППШ». Из канавы, расположенной метрах в тридцати, высунулись два автоматчика в касках, вопросительно уставились на майора. Все это время они лежали в засаде, держа колонну на прицеле.

— Шелех, Мерзоев, отбой! — крикнул Ракитин. Расслабились бойцы в отдалении, уставшие изображать праздный вид. Пока все подтверждалось: время, место, действующие лица и исполнители...

— И чего не одеваетесь? — рыкнул майор на подчиненных. — Особого приглашения ждете? Развели тут, понимаешь, купальню.

— Так она отворачиваться не хочет, — кивнул на Лизу Шашкевич.

Девушка подавилась смешинкой и быстро отвернулась. Рука сжалась в мозолистый кулак и погрозила подчиненным. Выскочил из воды Вобликов, схватился за обмундирование, сложенное стопкой.

Облачались стремительно, дрожали от холода. Беззаботность и нетрезвое поведение уже никто не изображал. Ракитин влез в рукава фуфайки, затянул ремень. Подошел наигравшийся в «камешки» Денис Корзун.

— А ведь точно не русские, товарищ майор. Обратили внимание на лица? Как маски — злые такие, напряженные. Один старлей чего-то пыжился, выдавливал из себя... И форма на них со склада. Вот где сейчас, скажите на милость, можно раздобыть форму со склада? Обозы с вещевым довольствием бог знает где, нынче просто не до этого...

— Мы поняли, Денис, — кивнул Андрей. — Это та самая компания, которую мы ждали.

— Бежим к штабу, товарищ майор? — предложил одевшийся Олег Вобликов, — Вдруг нахалтуют или помощь потребуется?

— Отставить. Нечего там толкаться, справятся без нас. Мы свою работу выполнили.

— Уверены, что они ничего не заподозрили? — опасливо спросил Шашкевич, натягивая пилотку. — Мы же не актеры со столичной сцены, играем, как можем, а вдруг переиграли?

— Ясное дело, переиграли, — фыркнул Ракитин. — Плескались, как дети, Лизавета всякую чушь несла. Ладно, будем надеяться, что ничего не заподозрили. В противном случае не поехали бы дальше, а с нами бы сцепились.

Шашкевич глухо ругнулся.

— Федор, не материться! — прикрикнула Лизавета.

— Это еще почему? — не понял старший лейтенант.

— А ты подумай, душа твоя крестьянская!

— Чего это крестьянская? — насупился Шашкевич. — Городские мы, с самых низов пролетарских...

Беспорядочные выстрелы порвали тишину, закруглив пустопорожнюю беседу. Несколько рваных очередей... А затем их накрыл дружный залп! Стреляли «ППШ», пулеметы «Максим», потом взорвались две гранаты, и настала оглушительная тишина.

— Обалдеть... — пробормотал впечатленный Шашкевич. — Словно спирта стакан махнул без закуски. Все кончено, товарищ майор?

— Да, другого мнения быть не может, — понадобилось усилие, чтобы изобразить улыбку. — Пе-

ренапряглись, товарищи? — майор насмешливо оглядел подчиненных. — Лица у вас, право слово... А с таким задором изображали веселье.

— Знали бы вы, Андрей Михайлович, чего мне стоило это веселье, — потупилась Лизавета. — Рожать, ей-богу, приятнее...

— Все кончилось, женщина, ступай на свою кухню, — задрал нос Вобликов. — Спасибо за службу, как говорится.

— Я, вообще-то, шифровальщица, — надулась девушка.

— А я что сказал? — Вобликов засмеялся. — А раз шифровальщица, иди и шифруй или что ты там делаешь...

— Товарищ лейтенант шутит, — перебил Ракинин. — Ты молодец, Лиза, в самом деле молодец. Считаю, готова к сложным операциям в тылу врага. Передай майору Воеводину, что контрразведка благодарит за содействие. Ну, что, мужики, пойдемте? — Он забросил автомат за плечо стволом вниз. — Пока другие сливки не сняли...

Для нужд армейского штаба было выбрано двухэтажное здание общеобразовательной женской школы. Проблемы обучения немецких подростков в данный период советское командование волновали в последнюю очередь, да и трудно было представить, чтобы в школе проводились занятия.